

А.А. Гусейнов

А.В. Рубцов

ГЛАВА 2.

МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ БЫТЬ НЕАКТУАЛЬНОЙ?

Вопрос об актуальности в философии не является в наше время праздным или отвлеченным. Наоборот, у этой «актуальности актуального» есть целый ряд оснований: от сугубо ситуативных до самых фундаментальных, связанных с осмыслением самой природы философской деятельности.

На первый взгляд, достаточно очевидно, что философские исследования могут быть непосредственно втянуты в реальные процессы, но могут быть и вполне отвлеченными. Однако при ближайшем рассмотрении все здесь далеко не так просто.

Проще всего было бы сослаться на некоторые новейшие тенденции в управленческой практике, связанные с попытками эффективного администрирования исследовательского процесса за счет максимальной формализации оценки его результативности. Здесь есть известные возможности, перспективы, но и становящиеся все более очевидными риски, связанные с опасностью недооценки глубинной специфики разных видов интеллектуального труда и как следствие – с созданием дополнительных, лишних трудностей в наиболее сложных и тонких исследовательских процессах, и без того крайне болезненно реагирующих на проблемы ненаучного, несодержательного характера.

Вместе с тем вполне очевидно, что критерий актуальности является одним из центральных в оценке результативности исследований в области и философии, и социогуманитарного знания. Достаточно вспомнить, что именно позиция «актуальность исследования», «актуальность работы», «актуальность проекта» и т. п. является одной из первых в типовых структурах диссертаций, авторефератов, разного рода заявок и отчетов. В свое время к этой позиции в науке могли относиться несколько формально, как к дежурной задаче, на которую можно ответить отпиской наработанными фразами, однако по мере

усиления управленческого присутствия в жизни науки (как бы к этому факту ни относиться), а также диверсификации финансирования исследований, эту позицию приходится раскрывать более содержательно и ответственно.

В такого рода тенденции, направленной на то, чтобы максимально выявить и формализовать актуальность исследований и их результативность, есть, в свою очередь, также разные основания и уровни. С одной стороны, это может быть связано с сугубо ситуативными тенденциями бюрократизации процесса, порой на грани злополучного «административного восторга», когда отсутствие компетентности в предмете и в управлении пытаются компенсировать формализацией оценок, по ожиданиям дающей результат чуть ли не автоматический и якобы стопроцентно объективный. При этом самим ученым достаточно известно, насколько эффективно можно манипулировать такого рода автоматизмом и чего порой стоит эта «объективность». Девиации в манипулировании формальной стороной дела уже и сами стали предметом исследования и жесткой критики в новейшей научной рефлексии, начиная с наукометрических штудий и заканчивая исследованиями в области социологии и этики науки. Незнакомство с этими результатами может приводить к излишней доверчивости «точным» методам и как следствие — к еще большей субъективизации якобы объективных оценок. Если называть вещи своими именами, можно получить ситуацию, когда наукой будут руководить, используя якобы точную и объективную, а на самом деле заведомо искаженную и в этом смысле просто антинаучную информацию. Причем слово «антинаучное» здесь будет работать сразу в двух смыслах: и как противоречащее истине, и как направленное против науки как института, цеха, сообщества, типа сознания и отношения к действительности.

Но, с другой стороны, мы находимся в стадии постнеклассической науки, когда исследовательскому сообществу приходится вступать с человечеством в паритетные, партнерские отношения и доказывать миру, что исследования, во-первых, не наносят вреда и потенциально безопасны, а во-вторых, что они «стоят своих денег», что затраты общества оправданны и окупаются если не в обозримой перспективе, то хотя бы в принципе.

Казалось бы, это не самая острая проблема для философской профессии. Исследования в области философии, на первый взгляд, без-

обидны и по «себестоимости» не идут ни в какое сравнение не только с естественными, но и с целым рядом социогуманитарных наук (например, тех, где есть «поле»). Однако именно в отношении философии особенно часто приходится сталкиваться с непониманием смысла этой предельно сложной формы интеллектуального освоения мира, а потому и с малообразованными суждениями о бесполезности философии вообще. Более того, такого рода суждения могут и сами быть элементами мировоззрения и теории: достаточно вспомнить недавнюю позитивистскую установку, согласно которой «наука сама себе философия». Эта установка уже дезавуирована не только философскими исследованиями, но и работами в области собственно научной рефлексии, логики и методологии науки, однако она была популярной, а у части не особенно осведомленной публики популярна и сейчас.

Далее, в настоящее время идет активный процесс переосмысления и общественной миссии науки, и самого понятия результата в области познания (не только философского). Усложняются отношения между фундаментальной и прикладной наукой, выявляются все более сложные схемы, когда фундаментальный результат дает отложенный прикладной эффект, часто почти не предсказуемый. Это имеет прямое отношение и к философии, которая с не особенно большими оговорками тоже делится на фундаментальную и прикладную. При этом практическая утилизация результатов прикладной философии может быть даже более оперативной, чем в технических отраслях и в «прикладном естествознании». Также это относится и к социогуманитарному знанию, работающему на стыке с философией, например, социальной и политической. Самый очевидный, яркий, а нередко и болезненный пример — использование электоральной социологии в политтехнологических целях. Здесь есть риски, по масштабу последствий ничуть не меньшие, чем при утилизации результатов физических исследований, наук биомедицинского цикла и т.п. Что же касается философии как таковой, то и здесь есть богатый опыт утилизации ее концептуальных результатов через идеологию, причем самого разного свойства и с разными социальными, политическими и даже историческими последствиями. После масштабных трагических событий прошлого века эта тема становится одной из центральных, причем идея «результата» оказывается сильно окрашенной темой ответственности.

Далее необходимо отметить, что идет постоянный процесс переосмысления взаимоотношений, с одной стороны, между философией

и наукой, а с другой — между философией и обществом, социальной (в самом широком смысле этого слова) практикой. Естественно, это также влияет на понимание как актуальности в философии, так и ее результата. И граница эта довольно сложно устроена. Например, если говорить о науке, то, строго говоря, едва ли не все великие ученые, совершившие поистине фундаментальные открытия, подвигшие на научные революции, были в определенном смысле и философами — или не были великими. С известными оговорками это можно сказать и об исторических деятелях. Более того, можно даже предположить, что плачевные результаты в политике и управлении часто связаны именно с зауженным горизонтом видения проблем, с недостатком той рефлексии, которой как раз и учит философия.

И наконец, переосмыслением самой сути профессии, а значит, понимания актуальности задач и результатов деятельности, занята сейчас и сама философия. Особенно это выражено в критике модерна и в переходе к ряду постсовременных представлений. Здесь есть опасность рассинхронизации, когда от философии будут ждать и требовать результата в том смысле, какой будет уже не вполне адекватен с точки зрения самой философии. Более того, есть опасность, что в этой рефлексии философия придет к выводу, что результат здесь вообще вторичен по отношению к созданию и запуску разных «интеллектуальных машин». Если это серьезнейшая проблема для самого профессионального сообщества, можно представить себе, какой разрыв в понимании сути проблемы возникает между «цехом» и «внешней средой».

Все это говорит о том, что вопросы оценки актуальности и результативности философских и социогуманитарных исследований выходят сейчас на первый план, причем здесь порой самым неожиданным образом смыкаются административные запросы и собственная рефлексия, библиометрия и мировоззрение, политика и теория.

* * *

Понятие актуальности применительно к философии не имеет заранее заданного, общепринятого смысла, в том числе в собственно философской среде. Также весьма по-разному употребляется и сам термин «актуальная философия». Это, в частности, проявилось в момент, когда в ИФ РАН возникла идея издания ежегодника ровно с таким названием «Актуальная философия»: у потенциальных авторов тут же возникла проблема — а что, собственно, имеется в виду?

Такая полисемия – следствие не столько трудности профессиональной конвенции, сколько многосложности самого явления и связанного с ним понятия. Например, это может быть философия, связанная с передним краем научных исследований, с наиболее острыми проблемами цивилизации, культуры, общества, страны, ее политики, экономики, социальной сферы и т.п. Но актуальность такого рода может пониматься и как всякое философствование, связанное с насущными проблемами человека, то есть на грани отождествления актуального и гуманитарного.

Однако с не меньшими основаниями можно предположить, что критерий актуальности связан здесь не столько с выбором предметной ориентации, сколько с самим подходом к проблеме, с горизонтом анализа и актуализируемыми аспектами.

Так, с одной стороны, не будет преувеличением сказать, что всякая философия так или иначе актуальна – вопрос в особенностях понимания, воплощения и отслеживания этой актуальности. В этом смысле утверждение о неактуальности той или иной философской концепции может легко оказаться излишне самонадеянным и неосторожным. Всякий взгляд на прошлое в философии как на окончательно преодоленную и уже никогда не актуализируемую архаику чреват неожиданными заблуждениями и разоблачениями. Например, античные философы в большинстве своем разделяли общепринятое в ту эпоху убеждение, согласно которому человек целиком находится во власти неотвратимости судьбы, рока. Но, вопреки господствовавшим обыденным представлениям, они считали, что это не мешает, а, напротив, способствует их добродетельному, индивидуально-ответственному поведению. Подобная парадоксальная позиция многократно обсуждалась и воспроизводилась в последующей истории мысли, оставаясь каждый раз философской экзотикой, малопонятной обыденному сознанию, а часто и научному сообществу (один из характерных примеров – протестантская этика Макса Вебера, на которую теперь ссылаются постоянно, но без объяснений, а часто и без понимания парадоксального соотношения избранности и ответственности). Однако в наше время подобные представления в почти античной схематике получают подтверждение в ряде когнитивных исследований, показывающих, что всем действиям, в том числе кажущимся совершенно произвольными, предшествуют определенные четко фиксируемые сигналы. Тем самым в наше время неожиданно актуализируются идеи

о соотношении необходимости и свободы, долгое время казавшиеся примитивными и архаичными. Подобное понимание актуальности в философии связано, в частности, с особым типом темпоральности этой формы интеллектуальной жизни, в которой «стрела времени» устроена куда сложнее, чем например, в истории позитивной науки или в техническом прогрессе.

Подобная оценка философского результата как «вечно актуального» (пусть даже в потенции) может относиться и к древним именам, и к самым, казалось бы, отвлеченным, надвременным концепциям. Сплошь и рядом для философа наиболее актуальным может оказываться как раз то, что его современникам представляется не заслуживающим внимания человека со здравым смыслом. Просто философ усилием предельной рефлексии выводит на поверхность, эксплицирует и подвергает критике те самые «очевидности», которые присутствуют в головах у всех, но не отслеживаются, не промышляются и, срабатывая автоматически, остаются для нерелексирующего сознания невидимыми. Так, лапласовский детерминизм можно считать чистым умозрением, можно обнаруживать в нем нечто актуальное для науки своего времени — а можно видеть в нем скрытое умонастроение и даже своего рода стиль эпохи. Аналитики заметили, что «Опасные связи» Шодерло де Лакло в логике сюжета и отношений между персонажами и ситуациями идеально воспроизводят жесткую механистическую детерминацию. Иными словами, эти связи не только «опасные», но еще и однозначно причинно-следственные. Вся эта целостность, конечно же, закладывается с самого начала, но только потом обнаруживается эта удивительная согласованность механистической динамики в философской и физической картине мира, в политике и моделях социальности, в эстетике и художественной практике и т. д., вплоть до оттенков морали и индивидуальных жизненных стратегий.

Более того, учитывая эти «скрытые сдвиги в очевидном», в известном смысле можно даже утверждать, что философия являет собой интеллектуальный эпицентр актуальности. Это справедливо в той мере, в какой ей удается опережать ход событий, предлагая разного рода откровения, проекты, предсказания и предвосхищения, часто оцениваемые далеко не сразу. Здесь можно говорить об опережающей актуальности — актуальности «на вырост». История философии полна примеров того, как идеи в их глубине и значимости распознавались, выходили за узкие рамки школы и становились достоянием широких

интеллектуальных кругов через десятилетия, а иногда и столетия после того, как они впервые были сформулированы. Нечто подобное есть и в истории науки, однако философия в этом отношении дает куда более многообразный и выразительный материал.

Можно даже утверждать, что по-настоящему новым философским идеям, как правило, вообще свойственно проходить через первоначальный этап, когда их не замечают, осмеивают, осуждают, а иногда и запрещают. Этот временной лаг, это отставание может являться в самосознании философии даже одним из фундаментальных. Однажды на Ж.-П. Сартра в аэропорту набросились журналисты с желанием услышать от знаменитого философа что-то необычное, в частности, узнать, что нового происходит в философии. Сартр ответил: «Бог умер». Этой очевидной отсылкой к принадлежащему Ницше утверждению почти столетней давности он явно показал, что сенсация в философии имеет совсем иной хронотоп, чем тот, который принят в современных СМИ, да и вообще в обычной жизни.

При этом, когда мы говорим об актуальности «на вырост», о конфликте между философом и обществом, речь идет вовсе не обязательно или даже в последнюю очередь о прямом, непосредственном проектировании политики, социальности, познания, технологий и т. п., хотя и это сплошь и рядом имеет место. Часто опережение происходит как раз в самых отвлеченных сферах, на высших уровнях умозрения. Философия только на первый взгляд схватывает, отражает и теоретически санкционирует общее умонастроение эпохи, ее живую логику и мироощущение. Гораздо важнее то, что одновременно она ищет конструктивный, проектный выход из этих ситуаций — меняет акценты, приоритеты интереса мышления и действия, саму тональность существования. А потом оказывается, что постепенно, со временем, наука, политика, социальные практики, право, повседневная мораль, а иногда даже и искусство входят в круг актуальности, ранее очерченный философией. Часто они делают актуальным то, что философия актуализировала даже не вчера, а достаточно давно. Причем делают они это не сами по себе, а под влиянием среды и контекста, трансляция которого из философии заслуживает отдельного анализа и описания.

* * *

Философия изначально расчленялась на ряд сравнительно самостоятельных разрядов (аспектов). В современном виде она представ-

ляет собой уже давно разветвленную область знаний. Причем здесь важно учитывать как дифференциацию предметных областей и уровней, так и собственно жанры философствования — мышления, а то и просто письма. Эти различия важны также как в плане понимания специфики актуальности, так и с точки зрения оценки результативности. Одни работы, авторы и целые направления более непосредственно включены в актуальный контекст познания и жизни общества, политики и науки, интеллектуальных, духовных, художественных и нравственных исканий своего времени — другие, наоборот, по крайней мере, представляются скорее вещью в себе, попыткой мыслить по возможности вне давления конкретного исторического времени и социально-политического пространства, преодолевая соблазны втянутости — что называется «не на злобу дня». Эти различия в степени актуализации можно обнаружить и в синхронном срезе (в сравнении разных философий и философов «своего времени»), и даже в наследии одного и того же автора, работы которого школьная история философии легко относит к более актуальным или, наоборот, к более «фундаментальным». Хорошо просматриваются такие различия и в исторической асинхронии, в которой при желании можно обнаружить своего рода синусоидальные, маятниковые колебания между полюсами максимальной отстраненности и непосредственной втянутости, философического воспарения над бременной жизнью и страстного, заинтересованного погружения в нее.

Может показаться, что здесь есть противоречие с первоначально высказанной идеей универсальной актуальности философии. Однако это не так: просто в одних случаях ее актуальность бросается в глаза и культивируется, а в других остается скрытой и требующей для своего выявления специальных усилий. А иногда времени, исчисляемого годами, десятилетиями, веками. Как говорил герой одного популярнейшего в свое время фильма, причем именно про науку, идея должна созреть, ведь даже если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок за месяц не родится. Самое острое в сюжете было то, что это говорили люди, время жизни которых после облучения измерялось едва ли не неделями.

Сюда же непосредственно примыкает и вовсе практическая проблема, связанная с поползновениями к тому, чтобы философию и социогуманитарные исследования встроить в те же форматы «объективной», формализованной, количественно фиксируемой и

«бессубъектно» исчисляемой оценки результативности, что уже (хотя и с разным успехом) применяются в точных и естественных науках.

Здесь сразу выявляется множество специфических и во многом решающих моментов, из-за которых такая оценка при механическом копировании естественнонаучных, негуманитарных форматов дает как раз не объективную, а чудовищно деформированную картину состояния нашей философии и гуманитаристики. Особенно это выражено применительно к российской ситуации, по целому ряду параметров не укладывающейся в стандартные схемы исчисления результативности. Об этом написано уже вполне достаточно, в том числе и в разных главах настоящего издания, однако до сих пор эта критика не стала основой для принятия основательных управленческих решений, а главное, практически не осмыслены «морально-политические» последствия недоучета этой специфики. Если сегодня это лишь отчасти портит имидж российской философии в глазах общества и власти, а также имидж российского философского и гуманитарного знания в мире, то завтра, если не провести необходимую коррекцию в понимании проблемы и в использовании «апробированных» методик, могут быть приняты глубоко ошибочные и крайне опасные управленческие и даже политические решения, последствия которых для ряда философских и гуманитарных отраслей могут оказаться фатальными и необратимыми.

Может показаться, что эта проблема философской и гуманитарной библиометрии сугубо техническая, решаемая на уровне методики (даже не методологии) и уж во всяком случае не связанная с таким фундаментальным предметом, как актуальность философии в историческом, интеллектуальном и социально-политическом измерении (то есть с тем, о чем говорилось в начале данной главы). Однако это не так: чтобы оценивать результативность философских и социогуманитарных исследований в целях мониторинга работы и принятия управленческих решений, необходимо предварительно составить хоть сколько-нибудь корректное представление о том, что такое философский «результат», в чем именно, когда и как он проявляется и что служит для него необходимым контекстом, порождающей средой. В противном случае легко принять за результат конъюнктурные подделки и при этом проглядеть, а то и вовсе загубить результат подлинный.

* * *

Оценка результата в философии (или, как сейчас приходится выражаться, «результативности философских исследований») средствами, обычными для других сфер интеллектуальной деятельности, существенно затруднена. Разумеется, каждая сфера имеет свою специфику и, возможно, критерии оценки каждый раз должны уточняться. Тем не менее философия в этом отношении выделяется среди всех других областей знаний. Если она и не «царица наук», как думали одно время, тем не менее она охватывает познание в такой широте и предельности, которые имеют отношение ко всем его формам. Результат в философии, таким образом, сам является самостоятельным предметом анализа. Проще всего сослаться на уже упоминавшийся временной лаг, который в философии по факту и по определению существенно, а иногда и на порядок больше, чем в обычной науке, в позитивном или даже в социогуманитарном знании. Философ нечто открывает, но и его самого (идею, работу, направление) еще должны открыть в философии и прочих связанных науках, отраслях деятельности и т. п. Даже когда кажется, что философ работает непосредственно с предметом исследования, он всегда одновременно работает и с другими философами и философиями. Тема интеллектуального саморазвития, самодвижения мысли вообще одна из основополагающих в философии. Есть даже точка зрения, согласно которой философы вообще говорят все время об одном, решают одни и те же вопросы и лишь создают для этого разные «машины мышления», о которых говорилось выше. В таких случаях и вовсе проблематично выявить «результат» сразу и без скрупулезного, специализированного анализа.

Когда в последнее время только начали вводить более регулярную, формализованную и развернутую отчетность, многие сотрудники, в том числе вполне признанные философским сообществом в качестве безусловных авторитетов высшего уровня, испытывали затруднения при заполнении граф, в которых надо было в двух-трех фразах сформулировать «достигнутый результат». Поначалу они нередко практически повторяли формулировки планов научной работы, лишь меняя модальность времени: писали не «планируется исследовать», а «исследовалось». Понятно, что это был не вполне ожидаемый язык, поскольку предполагалось, что отчитывающийся должен писать не о том, что он исследовал, а какие именно содержательные результаты в данном исследовании получены. Проще всего это свести к проблеме

отсутствия определенного рода административного навыка. И тогда тут особенно нечего обсуждать, тем более что довольно скоро философы, будучи, как правило, людьми с достаточно развитым интеллектом и не чуждыми навыкам письма, освоили этот язык и теперь заполняют формуляры регулярной отчетности без особых затруднений. Но можно увидеть здесь и более глубокую проблему – проблему понимания, что есть результат в философии как таковой, в чем его специфика. Может ли этот результат быть сформулирован по аналогии с обычной наукой – если говорить всерьез, а не на уровне формальных отчетов, в которых есть своя управленческая польза, но которые схватывают лишь первое приближение к истинному понятию философского результата.

В качестве иллюстрации можно привести простой мысленный эксперимент: Платона ставят перед необходимостью в трех фразах изложить научный результат какого-нибудь из его диалогов, причем не в модальности «исследовалось», а именно в модальности «было выявлено». Скорее всего, сначала он все же написал бы о том, что обсуждалось, потом, после объяснений, скрепя сердце переписал бы в модальности «выявлено» (если не вытолкал бы сразу вназад), но зато потом, уже в приватном диалоге с Сократом, посетовал бы на то, что спрашивающие совершенно не понимают природы философского мышления, его сути, особенностей движения философской мысли. Платон в данном отношении особенно выразительный пример, поскольку в его произведениях, в частности, в сократических диалогах, результат состоит как раз в отсутствии результата, в том, что в них развенчиваются поверхностные, ходячие представления об обсуждаемом предмете.

Все это вовсе не отменяет схем признания и интеллектуальной раскрутки философских работ и концепций, аналогичных или почти аналогичных тем, что работают в позитивной науке. Речь, однако, о том, что в философии постоянно возникают ситуации, в стандартную схему признания и раскрутки не укладывающиеся. Можно даже с оговорками согласиться, что в ряде разделов философии, там, где интеллектуальная процедура более формализована, действуют почти стандартные «машины признания», однако и тут периодически возникают исключения из правил, причем такие, что по своей реальной и развернутой во времени результативности ничуть не уступают сразу и количественно признанным работам, а то и превосходят их.

Так, например, основное сочинение Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» было опубликовано безгонорарно тиражом в 800 экземпляров, но за полтора года было продано сто экземпляров, и издатель, оставив 50 экземпляров, пустил остальной тираж под нож. Философу пришлось ждать признания более 30 лет. Но после этого уже около 150 лет он является одним из самых публикуемых и читаемых авторов, в том числе (и даже в особенности) в России. И хотя близкие примеры, как уже отмечалось, есть и в истории науки, но все же здесь философия скорее более похожа на искусство, а именно на некоторые особенно яркие сюжеты. Вот один из примеров, признанных классическими: «Ян Вермеер, который считается сегодня самым выдающимся голландским живописцем, при жизни был гораздо менее почитаем. Французский аристократ Балтазар де Монкони в 1663 году писал в своем дневнике: “Я был представлен художнику Вермееру в Делфте, но тот не имел в своем доме ни одной собственной картины. Мы, однако, обнаружили одну у пекаря, который купил эту работу за сотню ливров. Я же думаю, что и шесть пистолей было бы слишком высокой ценой”. В наше время к большинству его произведений все чаще добавляют эпитет “бесценный”»¹.

Таким образом, в философии, как и в других формах культуры (особенно художественной), не всегда существует прямая корреляция между прижизненным признанием и посмертной славой. А нередко эта связь является даже обратно пропорциональной. Это подтверждается многочисленными примерами, когда философы и философские учения десятилетиями ожидают внимания и оценки, которых они заслуживают. Не менее показательны и противоположные случаи, когда широко популярные, признанные имена оказываются со временем забытыми. Философия не входит в число областей знания, отмеченных Нобелевскими премиями. Но философы, тем не менее, их получают, хотя и редко, в качестве литераторов. Первым среди них был Р. Эйкен, получивший в 1908 г. Нобелевскую премию по литературе (хотя он, в отличие от Камю и Сартра, тоже ставших позже Нобелевскими лауреатами, писателем не был). В те годы популярность и рейтинг Эйкена были необычайно высоки, намного выше, чем, например, живших в те же годы и уже создавших свои основные произведения Дильтея,

---

¹ http://weekend.ria.ru/art/20121103/777117112.html?utm_medium=adnews&utm_source=www.vedomosti.ru&utm_campaign=adnews_campaign_134&utm_content=adnews_399570

Гуссерля. Но сегодня, в отличие от последних, идеи которых находятся в центре гуманитарных дискуссий, его имя мало кому известно за пределами узких специалистов по истории философии. Словом, говоря об оценке веса трудов и имен в философии, нельзя забывать, что в ней запоздалое признание соседствует и в какой-то мере компенсируется быстрым забвением.

Это вовсе не такое уж неповторимое явление в культуре. В свое время были проведены эконометрические исследования в области киноискусства, выявившие закономерность: если замерять не мгновенный результат, а достаточно длительный период, то наиболее экономичными и рентабельными оказываются... фильмы сложные, относящиеся к кинематографической элите, к высокому стилю, и вовсе не рассчитанные на массовую популярность. Хиты могут срывать бешеные прибыли, но потом сходят с экранов, в то время как элитарные шедевры продолжают десятилетиями транслироваться в малых залах, со временем по доходности опережая преходящие кинематографические сенсации.

С этой точки зрения стандартные оценки философии по оперативно замеряемой цитируемости и т. п. неизбежно приводили бы к тому же эффекту, как если бы классиков философии оценивали по количеству ссылок, которых они достаивались у своих современников. Или как если бы гениев кинематографа оценивали по доходности проката в режиме обычной синемаэкономики.

На это можно возразить тем, что стандартные методы ориентированы не на оценку уникальных явлений, а на «усредненную оценку усредненного». Однако здесь есть, как минимум, два решающих момента.

Во-первых, в этом случае необходимо так выстроить процедуру оценки результативности исследований, чтобы статистическое «усреднение усредненного» занимало положенное ему место, не претендовало бы на большее и оставляло бы открытое поле возможностей использования традиционных для философии куда более сложных и длительных процедур оценки — и прежде всего не количественных, а качественных.

Во-вторых, необходимо также учитывать живую взаимосвязь уникальных, классических работ с общим интеллектуальным контекстом времени и места. В футболе известно, что сборные сильны, если мячами стучат во дворах (если, конечно, не рассчитывать на базу из леги-

онеров). То же и в науке: если у вас есть десять высокопродуктивных исследователей на сотню средне- и малопродуктивных, то наивно рассчитывать, что проблема решается арифметически, простым вычитанием. Если сократить «лишних», оставив десяток продуктивных, то довольно быстро мы получим ровно ту же пропорцию: один лидер на девять посредственностей. Как показывают эмпирические наблюдения, среда, в которой и из которой вырастают философские таланты и гении, по объему на порядки больше числа выдающихся мыслителей. Так обстояло дело с самого начала, не только в современном массовом обществе. К примеру, дошедшая до нас из древнегреческой эпохи книга Диогена Лаэртского, обобщающая жизнь и учения философов, содержит более тысячи имен, из которых в современных учебниках осталось и в канон философского образования вошло несколько десятков. Любопытно заметить, что вполне сопоставимой будет пропорция всего набора имен отечественных философов нашего времени, представленных, например, в известном словаре П. Алексеева, с именами тех, чье творчество оставило след в теории и хотя бы на поколение пережило их самих.

Проблема среды и контекста в философии важна не меньше, чем в науке, а часто и больше. Философия в своих высших достижениях, как и любое интеллектуальное и художественное творчество, — дело индивидуальное. Большой редкостью являются работы даже среднего уровня, написанные двумя авторами. Но философы не являются одиночками, они всегда окружены собеседниками, учениками, оппонентами. Более того, они очень часто появляются кластерами, как это было, например, в Древних Афинах в V–IV вв. до н. э., в Италии эпохи Возрождения, во Франции в XVIII веке, в Германии в XVIII–XIX вв. Эта эмпирически фиксируемая закономерность подтверждается и в случае России, если взять два плодотворных этапа её философского развития — религиозную философию школы В. Соловьева (конец XIX — начало XX вв.) или, например, гуманистическую философию второй половины XX в. (А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова и др).

* * *

Естественно предположить, что за необходимыми различиями в методах оценок стоят разные отношения к жанрам и уровням философствования, разные этические схемы (этикеты) интеллектуального сообщества и, более того, разные установки, разные модели философ-

ствования. Самое простое связано с правилами и традициями цитирования, оставления ссылок — формирования «научного аппарата». Советская философия в соответствии с идеологическими установками традиционно поддерживала в философии культ научности. Кстати, она так и называлась: «научная философия». В этой модели не только курсовые и дипломные работы, рефераты и диссертации, но также все статьи и книги оформлялись в соответствии со строгими стандартами научной формы. Это в свое время сыграло положительную роль, поскольку советская философия, при всей идеологической ангажированности ряда ее разделов, существенно повысила общую философскую культуру, в том числе и касательно техник оформления исследований. Можно даже сказать, что именно в советский период в России (в СССР) возникла в полной мере профессиональная философия, более или менее эмансипированная от прочих интеллектуальных профилей, в частности от литературы и истории, от общественно-политической публицистики и т.п. Возникла философская школа во всех смыслах этого понятия, начиная с институтов и практик преподавания и заканчивая формированием ученичества, линий преемственности, традиций наследования, не говоря уже о нормах представления и оформления результатов.

Однако здесь были и свои проблемы. Если бы нынешняя библиометрия взялась индексировать эти массивы ссылок и цитирования, ей пришлось бы сначала выделить, как-то оценить и скорее всего элиминировать целый корпус обязательных, ритуальных и сугубо формальных ссылок на основоположников и классиков, на партийные документы, а частично и на работы политически значимых авторитетов.

Вместе с тем советская философия в свое время практически закрыла особые жанры философствования, которые менее подчиняются форматам строгой научности, а то и вовсе им не подчиняются: письмо на грани философии и истории, философии и литературы, свободную философскую эссеистику, публицистику и т.п. (популярное изложение штампов «научной» философии и идеологической конъюнктуры не в счет). Кстати, надо признать, что эти более литературные жанры как раз и представляли цвет дореволюционной русской философии, временно почти забытой в официальном философствовании советского периода (за исключением считавшихся философами классиков высокой отечественной литературы, таких как Толстой или Достоевский, или представителей революционной публицистики), а теперь

реабилитированной, вновь введенной в философский и научный обиход и ставшей лидирующей по тиражам, обращениям и тому же цитированию.

Соответственно, сейчас возрождаются и сами эти жанры философского письма. Этот корпус текстов и связанных с ним работ как объект формального анализа стандартным методам библиометрии вряд ли в полной мере соответствует. Но тогда необходимы и соответствующие коррективы, которые позволяли бы учитывать такого рода жанровую специфику.

Кроме того, и в классической и в современной мировой философии «научной» ориентации использование аппарата тоже бывает весьма разным. Иными словами, это может быть проблемой даже не жанра, а «всего лишь» исторически сложившегося национального стиля письма, в свою очередь распадающегося на индивидуальные стили. Достаточно, например, сравнить научные аппараты книг и статей отечественных и западных авторов, чтобы увидеть огромную разницу: аппарат западных авторов (скажем, немецких профессоров), как правило, многократно больше. Это отчасти связано и с традициями образования: немецкая традиция предполагает, что профессор читает заранее приготовленный и написанный им текст, в то время как российская аудитория предпочитает свободную устную импровизацию, и лектор, если он будет вести себя на манер немецких профессоров, заранее обречен на провал. В нашей традиции уже само словосочетание «читать по бумажке» заключает в себе негативный смысл.

Это интересный момент, заслуживающий отдельного рассуждения. В позитивной науке, где работают гигантские внутренне взаимосвязанные исследовательские мегамшины, как правило, глобальные, усредненное цитирование при аккуратном анализе дает свои результаты. Однако при этом менее важны векторы упоминаний, ссылок и цитирования: кто на кого ссылается. В философии же практически не важно, сколько исследователей ссылаются, скажем, на Хайдеггера (с ним и так все ясно), но было бы чрезвычайно полезно выявить круг имен, на которые ссылается сам Хайдеггер. Здесь иерархия авторитетов и репутация формируется скорее так, а не наоборот. Но даже в этом случае пришлось бы корректировать стандартные методики, поскольку сам Хайдеггер, как и многие другие классики вполне современной философии, обычным аппаратом практически не пользуется, что ни в коей мере не снижает уровня интеллектуальной строгости такого рода

философской работы. Здесь есть скрытые ссылки, предполагающие почти автоматическое понимание у подготовленной аудитории, но не у специалистов в стандартной библиометрии.

Необходимо также учитывать и целый ряд других жанровых особенностей философской литературы. Например, в философии, в отличие от науки в обычном смысле слова, цитирование может быть и вовсе не связанным с наследованием строгих концептуальных линий. Цитирование и ссылочный аппарат в науке обычно означают признание авторитета и опору на предыдущий результат, что и фиксируется библиометрической статистикой. В философии же цитата вполне законно может быть сугубо фрагментарной, означающей вовсе не наследование или признание исследовательской линии, а простое использование локального фрагмента, обрывка материала, наконец, просто удачного, выразительного, яркого высказывания. При этом использующий данный локальный фрагмент может вовсе не соглашаться с общей концепцией источника цитаты, может быть даже резким оппонентом данной концепции.

Еще в большей степени эта проблема проявляется в актуальной философии там, где ее работа связана более непосредственно с жизнью общества, например, с общественно-политической практикой. В науке как таковой, в особенности в точных и естественных науках, ссылочный аппарат, как правило, отражает позитивную преемственность. И даже в случае полемики, при необходимости опровержения критика здесь является признанием: то, что заслуживает критики, уже результат, опровержение позиции или опыта — тоже позитив. Однако, например, в общественно-политической философии все может быть ровно наоборот, о чем в дальнейшем будет сказано специально и подробнее.

* * *

Ко всему изложенному выше следует добавить изменение предмета философии, её места в системе знания и в обществе, что, разумеется, ведет к новому пониманию результата в философии. В первую очередь, сегодня важно учесть, что с момента входа в ситуацию постмодерна поставлен (и не снят) вопрос о возможном изменении самого формата философии как таковой и в ее взаимоотношении с актуальным контекстом. Здесь достаточно сослаться на Ж-Ф. Лиотара, показавшего плотные переплетения знания и власти, эпистемологи-

ческого и политического. Согласно одной из наиболее сильных пост-современных версий такого изменения формата философской работы (Р. Рорти), философия в прежнем, самодостаточном и системосозидающем формате едва ли не обречена (как и религия) на исчезновение: она уступает место специально отрефлектированной деятельности по «смазыванию поверхностей». В самом деле, согласно этим представлениям, не исключено, что для философии конца XX – начала XXI в. все менее актуальной и все более спорной становится задача достраивания знания до его интеллигибельной полноты и завершенности, до идеала универсализма. Но при этом все более насущной становится задача снижения непродуктивного трения между наукой и политикой, властью и культурой, государством и обществом, политической, интеллектуальной и деловой средой и т.д. и т.п., вплоть до минимизации опасных зазоров между временами, цивилизациями и культурами. Тем самым по-новому встает вопрос о соотношении, критической и конструктивной функции философии. Такую позицию можно не разделять и оспаривать, можно принимать или не принимать более сильные или, наоборот, более слабые ее версии, но в любом случае приходится признать, что в ней есть и понятная, по-своему изящная профессиональная установка, и очевидная связь с многими новейшими реалиями интеллектуальной ситуации и деятельности.

Далее, приходится учитывать особенности постнеклассической ситуации для всякого рода знания, включая философское и социогуманитарное. Как уже отмечалось, в отличие от науки классического и даже неклассического периодов, постнеклассическая наука все более утрачивает статус «священной коровы», оказываясь перед необходимостью специально, на регулярной основе протраивать свои взаимоотношения с обществом, по большому счету – с человечеством. Ей приходится доказывать, что гигантские средства, которые вкладываются в современную науку, идут не просто на удовлетворение исследовательского любопытства ученых, но и приносят результат – пусть даже более или менее опосредованный и отдаленный. Одновременно приходится доказывать, что риски, которыми чреваты исследования и в особенности утилизации их результатов, не так фатальны, что они контролируемы и оправданы пользой. Например, для ЦЕРНа это уже реальная проблема обоснования всей этой беспрецедентной траты средств. Казалось, что проблем с обоснованием своей нужности меньше у наук биомедицинского цикла, однако и там быстро обозначился

целый комплекс «засад» биоэтического плана. Философские и социогуманитарные исследования, на первый взгляд, менее подвержены этим претензиям, поскольку обходятся обществу на порядки дешевле современной микрофизики или молекулярной биологии, однако и здесь эта проблема не только существует, но и обостряется. Пока у власти хватает интуитивного понимания, что даже ради экономии резко сокращать, а тем более прикрывать фронт гуманитарных исследований нельзя — хотя бы из соображений косыгинского выражения, что это так же бессмысленно, как «стричь свинью»: шерсти мало, а визгу много. И в то же время приходится констатировать дефицит позитивного плана — отчетливого понимания того, зачем все это философствование вкупе с гуманитаристикой нужно кому-то, кроме самих философов и гуманитариев. Хотя, надо признать, что сам факт того, что это нужно самим философам и гуманитариям и что всегда имеется достаточно людей с ярко выраженным интересом к этим занятиям, могло бы и должно было бы стать достаточным оправданием и их существования, и их поддержки со стороны государства. Отсюда, в частности, вполне конкретные и операциональные установки на то, чтобы максимально «оптимизировать» процесс, сначала отработав механизмы «объективной», формализованной, машинизированной оценки результативности такого рода исследований, а затем и найдя своё место, минимизировав то, что является якобы «лишним», работающим на себя, а не на результат и актуального смысла не имеет.

Словом, философия, как в определенной мере и вообще фундаментальная наука, оказывается в ситуации, когда она, будучи и оставаясь профессиональным (не публичным) занятием, в то же время попадает в зависимость от мнений и решений людей, которые могут судить о ней лишь со стороны и дилетантски, без достаточных компетенций. И это — не результат злой воли (хотя, возможно, и злой воли здесь хватает), а неких объективных процессов современного общественного развития.

Философская работа в свете того нового образа и общественно-го статуса этого рода деятельности, которые задаются в перспективе интеллектуальных и практических опытов постмодерна, разумеется, тоже может быть измерена формализованными количественными методами, но совершенно очевидно, что это должны быть совершенно иные методики, чем привычное цитирование в элитарных журналах, и сама методика их исчисления должна быть другой. Здесь скорее

следует говорить о представленности не в топжурналах, а в СМИ и социальных сетях и о том, чтобы определить меру такой представленности, которая с точки зрения интересующего нас вопроса о критериях результативности философско-гуманитарной науки может быть не только недостаточной, но и чрезмерной. В этом случае уже не будет работать принцип: чем больше — тем лучше.

В советское время, когда философия была служанкой идеологии и политики, практиковался эскейп, позволявший заниматься философией якобы свободно и непредвзято. Теперь это тоже осталось (мы «выше», мы не втянуты, а потому свободны). Такая позиция несомненно ущербна прежде всего ложной установкой, будто философия может замкнуться на саму себя, а социальное и гуманитарное знание может существовать вне мировоззренческого базиса, пусть даже непроговариваемого и непромысливаемого.

Социологические, политологические, политэкономические построения как бы без мировоззренческого базиса и вне конкретного философского контекста на основе старого лозунга, что наука сама себе философия, на самом деле воспроизводят мировоззренческие штампы недавнего времени, выдержанные, например, в духе упрощенного экономического детерминизма.

Парадокс состоит в том, что система оценок результативности философского труда на основе представленности в международно признанных академических топжурналах, не учитывает то, как философия представлена в публичном пространстве, в прямом обсуждении злободневных мировоззренческих проблем, и тем самым ориентирует её на самоизоляцию от общества, на такие «результаты», которые могут быть интересны только самим философам.

* * *

Все вышесказанное, не претендуя на полноту и окончательность, являясь обобщением темы лишь в первом приближении, тем не менее, показывает примерные объемы и многообразные ракурсы проблемы, отдельные (далеко не все) направления развертывания ее анализа. Но здесь уже выходят на первый план, казалось бы, простые, однако обычно «проглатываемые» вопросы об объеме, предмете и субъекте оценки результативности, а именно: что оценивается в качестве носителя результата, под каким углом зрения и кем именно? Эти вопросы имеют самое прямое отношение к «объективным», количественным,

прежде всего библиометрическим методам такой оценки. Более того, именно здесь эти вопросы наиболее проявлены одновременно и как решающие, и как далеко не решенные.

Начнем с объекта, того, что является единицей учета. За таковую принята статья в научном журнале. В какой мере статья может считаться адекватным показателем результативности в области философии?

Чтобы ответить на этот первый и решающий вопрос, необходимо провести одно существенное различие между философским исследованием и исследованием философии или, в другой терминологии, между философией и философиедением. Одно дело философы, которые открывают новые горизонты мысли, такие как Владимир Соловьев, Гуссерль, Сартр, Бахтин, Лосев и др., и другое — специалисты, исследующие их творчество, огромное число которых с трудом поддается учету, а их продукция по объему в тысячу, в десятки и сотни тысяч раз превосходит то, что написали их герои. Здесь приблизительно такая же разница между писателями и литературоведами, как, например, между Пушкиным и пушкиноведами. Более или менее объективному учету, контролю, стимулированию поддается труд исследователей в области философии, научных работников — не тех, кто создает философию, а тех, кто изучает, анализирует то, что уже создано. И здесь статья может служить показателем. Хотя и в этом случае существует целый ряд ограничений. Во-первых, даже для тех, кто исследует творения философов, статья, как правило, является фрагментом большого труда, и не всегда имеется возможность выделить этот фрагмент из целого произведения до его завершения. Во-вторых, в случае философии не всегда легко провести различие между творцами (мыслителями) и научными работниками, так как в последние полтора-два столетия философия развивается по преимуществу в институциональных формах (университетах и исследовательских институтах). Философы являются также научными работниками (преподавателями, сотрудниками НИИ) и только время выделяет их из общей массы людей, занятых в области философии. А одна из особенностей «философов с большой буквы» состоит в том, что они не любят писать статей (о чем ниже) и не любят цитировать других, а если цитируют, то, как правило, великих предшественников, но не современников. С учетом этих ограничений можно сказать, что статья в доброкачественном научном журнале является показателем успешной работы её автора и вполне

может быть засчитана как её результат. Но из этого не следует, что те научные работники, которые не имеют таких статей в какой-то большой (исчисляемый годами) отрезок времени, на основании одного этого критерия могут и должны быть оценены негативно. Даже если взять близкий нам, запечатленный в живой памяти опыт, то мы видим, что многие, уже признанные в своих творческих результатах мыслители, такие как Г.С. Батищев, Б.А. Грушин, Э.В. Ильенков, М.К. Петров и др. по формальным (количественно исчисляемым «статейным» критериям оценки) отнюдь не были передовиками. М.К. Мамардашвили здесь оказался бы и вовсе двоечником.

Для философа показательной единицей успешности творчества является прежде всего книга — цельное исследование, которое по формату и характеру не умещается ни в жанр, ни в размер статьи. Это относится в какой-то мере также к научным работникам в области философии (рядовым сотрудникам НИИ и преподавателям) и в полной мере относится к философам с большой буквы, претендующим на идейный прорыв, на новое слово по фундаментальным философским проблемам. Несомненный факт состоит в том, что статья не делает философа. Даже за последние 100-150 лет, когда получили достаточно широкое распространение профессиональные журналы, практически не было случая, чтобы философ получил имя и признание благодаря статье — в основном только благодаря книгам. Этим философы и гуманитарии в целом отличаются от современных ученых в области математики и естественных наук. За каждым великим и даже просто широко известным философом стоит книга (а чаще всего ряд книг): за Гуссерлем — «Логические исследования», за Витгенштейном — «Логико-философский трактат», за Соловьевым — «Оправдание добра», за Хайдеггером — «Бытие и время», за Сартром — «Бытие и ничто», за Лосевым — «Диалектика мифа» и «История античной эстетики», за Адорно — «Негативная диалектика» и т.д. Одна из важных и ближайших задач количественных замеров результативности в области философии и, возможно, других гуманитарных наук состоит в том, чтобы разработать методику количественно-качественного описания и анализа книг.

Ещё один аспект недостаточности статьи в научном журнале в качестве основной единицы измерения философского труда состоит в следующем. Философия — не только академическое исследование, она ещё представляет собой диалог с обществом, который ведется не

на узкопрофессиональной, а на публичной площадке. В этом случае на первый план выходят такие формы работы, как участие в общественно значимых дискуссиях, активность в СМИ, систематизация философских знаний (словари, энциклопедии, учебники). Как уже отмечалось выше, философско-гуманитарная наука как раз в той части, в какой она прямо выходит в политику, в образование, в публицистику, в другие формы практической жизни, оказывается актуальной и востребованной в самом непосредственном смысле — именно в этой части она вовсе не включается в академические выборы, выпадает из подсчетов и рейтингов.

Одним из критериев общественной значимости философии всегда был и остается интерес, проявляемый к ней за пределами узкопрофессиональной среды. Поэтому очень важно при оценке философских имен и трудов учитывать степень их представленности, а тем самым и влияния, которое они оказывают на общественное сознание и на другие области знания (последнее следует подчеркнуть особо: когда на философа ссылаются представители других наук, это может значить даже больше, чем признание в собственно философском экспертном сообществе). Количественные замеры в данном случае также возможны и они, по-видимому, могут быть связаны с тиражами книг и изданий.

Отдельным вопросом является репрезентативность научных журналов, подлежащих учету. Этот вопрос основательно исследован в главах, написанных Н.В. Мотрошиловой, в которых выявлены имеющиеся в этом вопросе деформации и несправедливости. Поддерживая и развивая сделанные ею выводы, следует особо отметить два момента: абсолютный приоритет отдан журналам на языках латинского алфавита и количество представленных журналов не соотносено с числом специалистов, институционально и профессионально работающих в области философии.

Все это касается объекта оценки. Ещё сложнее обстоит дело с предметом. Что такое результат в философии? И вопрос не только в том, что в философии критерии значимости иные, чем в других науках, что у неё своя собственная строгость, которая носит более логический и исторический, чем фактический характер. Отдельная, единственная в своем роде проблема состоит в том, что философия существует в многообразии различных учений, дающих разные ответы на один и тот же вопрос, в ней могут быть равнозначимыми научные традиции

и результаты, которые отрицают друг друга. Достаточно назвать такие имена, как Рорти и Хабермас, а если взять отечественную мысль, то уже называвшихся Зиновьева и Ильенкова, которые по-разному понимают саму философию и её место в обществе.

Для многих случаев вопрос о результате оказывается трудным даже в чисто техническом аспекте. Бывает, что книга фундаментальная, а её «результат» в кратком изложении, тем более в нескольких отчетных формулах не упаковывается в принципе (в отличие от точных наук, где есть вывод, формула открытия, а остальное — доказательства, обоснования, подтверждение — верификация). Ещё более разительный пример, когда специалист реализует многолетний, часто растягивающийся на всю жизнь проект по переводу и комментированию классических текстов: в этом случае результат «всего лишь» состоит в том, что специалист точно перевел и откомментировал какое-то произведение или его часть. Зная, сколь разными по трудности могут быть тексты и в каком состоянии находятся источники, никто не может определить в этой работе какие-то общие и строго формализованные нормы.

Не менее важно учитывать, кому предназначается тот или иной результат, для кого он представляет актуальность — для общества в целом, для тех или иных управленческих структур, для смежных специальностей, вообще для читающей публики, для самого философского цеха или для какой-то предельно узкой сферы внутри философии (как, например, нередкие в нашей среде споры по поводу точности русского перевода того или иного философского термина зарубежного автора). Все это — результаты, каждый из которых по-своему важен, но которые при этом различны и требуют различных способов исчисления.

Также необходимо выявление удельного веса различных форм (уровней) результативности, а быть может даже выстраивание их иерархии. В любом случае, на наш взгляд, базовой должна быть оценка в рамках профессионального сообщества и по его критериям. Общая мысль состоит здесь в том, что истинную ценность философского труда могут оценить только философы, хотя, разумеется, получить более или менее точно выявленное мнение философского сообщества — дело совсем непростое и уж точно не одноактное.

Это вплотную подводит нас к вопросу о том, кто оценивает. Этот вопрос является, пожалуй, самым сложным, ибо здесь трудности понимания дополняются, переплетаются с интересами людей и ве-

домств. Здесь как минимум два момента представляются самыми злободневными. Первый связан с тем, насколько те, кто осуществляет библиометрический анализ, нейтральны по отношению к тому, что они измеряют, и существует ли в данном деле достаточная конкурентная среда, являющаяся какой-то гарантией объективности получаемых результатов, совершенствования методик в целях такой объективности. Второй момент касается вопроса о том, кто, как и в каких целях использует библиометрию: рассматривается ли она как подручное средство или как основной критерий оценки, является ли элементом управленческого механизма или элементом самоанализа профессионального сообщества.

Еще один трудный и злободневный вопрос, связанный с субъектом оценки, состоит в том, чтобы получаемые библиометрией количественные показатели дополнить качественными характеристиками экспертного сообщества. И в этом случае необходимы строгие методики, ибо и экспертные оценки также могут быть односторонними, субъективными, искажающими реальную картину.

* * *

Итак, мы попытались показать, как не самые удачные попытки применения новых методов оценки результативности выводят на старые и гораздо более общие, фундаментальные проблемы. Поэтому необходимо не только совершенствовать методики, не форсируя их внедрения в управленческую практику, пока не будут обеспечены адекватные условия сбора и обработки информации, но и прорабатывать всю совокупность и контекст связанных с этим проблем, в том числе требующих осмысления спецификой философского и социогуманитарного знания в целом и на современном этапе в особенности. Суммируя предварительный обзор проблемы, можно предложить для дальнейшего обсуждения и разработки следующие тезисы.

– Вопрос о критериях результативности философского, как и в целом научного труда – не чиновничий вопрос (таким он становится лишь во вторую очередь); прежде всего он является вопросом самосознания и самоорганизации научного (в нашем случае философского) сообщества, показателем его дееспособности.

– Результативность философских исследований не задаётся извне, она вырабатывается в ходе специального изучения процесса развития и современного состояния мировой и отечественной философской

мысли; при этом нельзя ограничиваться общим понятием результата в философии (в отличие от других областей знания), его необходимо конкретизировать применительно к различным уровням (аспектам) философии, жанрам философского творчества.

— Принятая в настоящее время система рейтингования на основе статей и цитирования в топжурналах имеет ряд существенных недостатков, связанных с отбором журналов, а также с тем, что не учитываются особенности цитирования в философских текстах. Но даже свободная от этих недостатков, такая процедура не является основополагающей для оценки философского труда. Позволяя в некоторой степени судить о качестве текстов и профессиональном уровне исследователей, которые представлены в данной системе, она не может рассматриваться в качестве критерия негативной оценки тех, кто в неё не попал.

— Основной единицей оценки философского труда является книга (развернутое исследование, выходящее за рамки жанра и формата статьи). Необходимо ставить вопрос об идентификации философской книги, о её жанрах, критериях определения профессионального качества и общественной востребованности, ответственности автора, философских институций, издательств и т. д.

— Особым для философии и других гуманитарных наук является вопрос о представленности в публичном пространстве (за пределами собственно академического сообщества), что несомненно является одним из важных показателей их общественной значимости. Речь идет о прямом участии философов в такого рода процессах и о непосредственном воздействии философских идей на политику, образование, управление, человеческую повседневность, другие сферы жизни, осуществляемом через общедоступные средства информации, дискуссии и другие формы общественной активности. Существующие на сегодняшний день рейтинги и практикуемые в академической среде показатели эффективности научных работ практически не учитывают этот аспект.

— Философия связана с естественным языком и укреплена в национальных традициях интеллектуальной жизни, поэтому её следует оценивать прежде всего и по преимуществу в контексте национальной жизни; в этом отношении она ближе к литературе, чем к точным наукам. Во всяком случае конкурентоспособность отечественной философии не может измеряться экспортным спросом на неё. Ни представ-

ленность в международных журналах, ни переводы на иностранные языки не могут считаться достаточными показателями этого (хотя, разумеется, и то, и другое само по себе важно). Более адекватным и информативным с точки зрения сравнительной оценки является, например, спрос на зарубежную и отечественную философскую литературу в пространстве русского языка (по аналогии с тем, как посещаемость отечественных и зарубежных кинофильмов рассматривается в качестве сравнительного критерия их конкурентных возможностей).

Общий пафос наших размышлений состоит в том, что оценка философского труда должна способствовать развитию философии в ее собственных форматах и традициях, не порождая при этом ажиотажного стремления работать на формально исчисляемый рейтинг.